

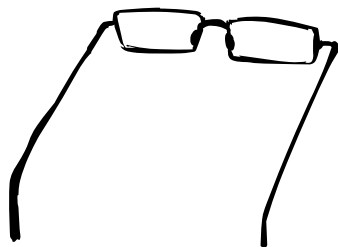
МЭРИ ЛУ ЛОНГВОРТ

чай, кофе
и убийства

МЭРИ ЛУ ЛОНГВОРТ

УБИЙСТВО
НА УЛИЦЕ ДЮМА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Л76

Серия «Чай, кофе и убийства»

Mary Lou Longworth
MURDER IN THE RUE DUMAS

Перевод с английского *М. Б. Левина*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown Ltd. и Synopsis Literary Agency.

Лонгворт, Мэри Лу.

Л76 Убийство на улице Дюма : [роман] / Мэри Лу Лонгворт ; [пер. с англ. М. Б. Левина]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-099899-9

Одно из самых интересных дел Верлака и Бонне — дело об убийстве руководителя кафедры теологии местного университета Жоржа Мута. Мут собирался назвать имя своего преемника, которому предстояло получить высокую должность и апартаменты семнадцатого века. Но его заставили замолчать навсегда...

Конечно, у каждого человека есть враги. Однако Верлак и Бонне сомневаются, что мелкие интриги, без которых не обходится ни одно научное сообщество, могут стать мотивом для жестокого преступления. Они начинают собственное расследование и приходят к весьма неожиданному выводу...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Mary Lou Longworth, 2012
© Перевод. М. Б. Левин, 2017
ISBN 978-5-17-099899-9 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Посвящается Кену и Еве

Глава 1

В надежде произвести впечатление

Дружба между Янном Фалькерью и Тъери Марши-вом удивляла весь университет. Мало того, что они конкурировали за одну и ту же докторскую стипендию, так и вообще были совсем разными — и по внешнему виду, и по общественному положению. Янн — высок и белокур, отец — телевизионный продюсер в Париже, мать — дизайнер интерьеров, в разводе с отцом. Тъери — темноволос, низкоросл, коренаст, происхождения намного более скромного: отец — учитель французского в средней школе Марселя, а мать — по-прежнему живущая в браке с отцом — низкооплачиваемая диетсестра в больнице дю Норд.

Оба студента шли быстро и говорили громко, стараясь не делать пауз: каждый был младшим в семье с тремя детьми (хоть одна общая черта) и отлично знал, какие нужны усилия, чтобы тебя услышали.

— Пошевеливайся! — сказал Янн, оборачиваясь к другу на ходу. — Все самое вкусное съедят без нас.

— Что я могу поделать, если у меня нет твоих жирафьих костылей? — огрызнулся Тъери, пуска-

Убийство
на улице Дюма

ясь вприпрыжку, чтобы не отстать. — Мы успели бы выйти вовремя, если бы ты не стал брать трубку и не устроил длинный разговор с этой... как ее...

— Сюзанной, — медленно и отчетливо произнес Янн. — Сюзанной. — Ее так называли в честь одноименной песни.

— Ну да... возлюбленная твоего детства. Ее отец — сельский доктор в Карнаке, где твоя буржуазная семья идилично проводила каждое лето. — Тъери остановился, имитируя игру на гитаре, и вполне узнаваемо спародировал Леонарда Коэна:

And she feeds you tea and oranges
That come all the way from China...*

Он поскользнулся на узком тротуаре, соскочил на проезжую часть.

— Перестань, кретин! — засмеялся Янн. — Ну да, идилично и каждое лето, ты прав. Такая была идилия, что родители мои развелись. Может, все это из-за августовских дождей — им приходилось вдвоем торчать в этом идеально обставленном пляжном домике.

Вот то, что Янну в Тъери нравилось: этот парень не узнал бы идеально спроектированный интерьер, даже если бы ткнулся в него лицом с размаху, а узнал бы — так ему было бы наплевать.

Он двинулся дальше, нахмурившись при мысли о матери и отце с их новыми парами, которые ему были совершенно безразличны.

Молодые люди подошли к резной деревянной двери в доме на площади Четырех дельфинов

* Она угостит тебя чаем и апельсинами, Прибывшими прямо из Китая (англ.). — Здесь и далее примеч. пер.

и нажали на кнопку звонка в полированной бронзовой табличке, где было написано «Профессор Мут». Дверь в ответ загудела, щелкнула и со стуком распахнулась. Тъери придержал ее для своего друга, сказав:

— Только после вас!

Он заметил, что Янн вдруг затих, как с ним часто бывало, когда вспоминались его родители — они развелись два года назад, — и Тъери подумал, что зря затронул эту тему.

Он представил себе, как семья Фалькерью сидит в гостиной, мебелированной слишком непрактично для летнего домика — скажем, с белой мебелью, — и молча смотрит на серые волны, набегающие на берег. И он попытался напомнить Янну о других вещах, более веселых:

— Ты всегда только о еде думаешь. Ну, еще и о Сюзанне, конечно.

Янн засмеялся и вошел в прохладный сырой вестибюль, предвкушая сегодняшний бесплатный ужин и встречу с Сюзанной на рождественских каникулах.

Лишний вес был для Тъери проблемой еще в школе, но тогда у него не было девушки. Первый его роман произошел уже на втором году учебы в университете, и это была та еще встреча. Улла оказалась студенткой по обмену из Швеции — даже Тъери, никогда не выезжавший из Франции, знал этот расхожий образ.

Поднимаясь по широкой каменной лестнице на третий этаж, где находилась квартира профессора Мута, он улыбнулся воспоминанию, но образ обнаженной Уллы в постели померк, когда он огляделся в особняке семнадцатого века. Его восхитил вестибюль, так непохожий на подъезд того дома, где

Убийство
на улице Дюма

он вырос, или того, где сейчас они с Янном снимали квартиру. Там выложенная красным кафелем лестница так узка, что кресло или даже велосипед по ней протащить — задача почти невыполнимая.

— Закуски чую, — заметил Янн, перепрыгивая через две ступеньки. — Тарталетки, пицца, наверняка поднос с нарезками и пара сырных тарелок, ручаюсь, сыр из супермаркета. Вот почему процветающие люди любят подавать дешевую еду? — Он обернулся к другу, очнувшемуся от мечтаний. — Ты слушаешь? Зуб даю, вино будет из пакетов.

— Нищие не выбирают, — ответил он. — А вообще-то я тонкий знаток дешевых вин.

Янн засмеялся и постучал в дверь. Обернувшись к другу-марсельцу, который еще отдувался после подъема, он быстро сказал:

— Обещаю, что когда получу хорошую работу — надеюсь, в ближайшем будущем, — никогда не стану покупать ни дешевое вино, ни сыр из супермаркета.

Тьери с деланой искренностью кивнул:

— Запомню.

При учительской зарплате отца Тьери вырос на сыре промышленного производства, но благодаря своему парижскому другу теперь знал вкус настоящего сыра и тоже надеялся, что когда-нибудь сможет купить настоящую еду, и не только ее. Пасхальную неделю он провел в пентхаусе мсье Фалькерью, выходящим окнами на Дом инвалидов, и это оказался один из светлейших периодов его двадцати четырех лет. Никогда он не был в стольких ресторанах, и в каждом отца и сына Фалькерью провожали к лучшему столу, и с ними дружелюбно беседова-

ли владельцы, официанты и повара. Мсье Фалькерью восхитил Тъери тем, что при всей куче денег и знаменитых друзьях Янну выделили такой же скудный студенческий бюджет, как и его товарищам.

Дверь открыла высокая красивая женщина лет за сорок, с густыми черными волосами и большими карими глазами. Тъери обрадовался, увидев на ней черное платье с вырезом, в котором она ему нравилась больше всего — в нем было видно не только идеальную оливковую кожу, но и обильную грудь.

— Пат и Паташон, — сказала она, засмеявшись. — Быстренько заходите! — Она подмигнула. — Вы как раз вовремя, стол уже накрыт!

— Спасибо, профессор Леонетти! — произнесли они в унисон.

И Тъери, и Янн почитали ученость хозяина дома, профессора Жоржа Мута, но более ценили динамичные и с юмором лекции его более молодой коллеги, доктора Анни Леонетти. Однако последнее слово в назначении стипендии Дюма принадлежало доктору Муту, и потому они пришли сюда, отменив свое обычное пятничное занятие (охмурять американских девиц, шатающихся по пабам Экс-ан-Прованса), ради угождения своим преподавателям. У Тъери екнуло в груди, когда он увидел море голов, многие из них седые, но от того что доктор Леонетти тоже здесь, ему стало легче. Янн в большом скоплении народа чувствовал себя увереннее, и обычно Тъери смотрел на друга и старался следовать его примеру, но сегодня он дал себе слово быть более независимым.

Доктор Леонетти провела двоих студентов к хозяину и скрылась.

Убийство
на улице Дюма

— Постарайся не таращиться на обстановку, — предупредил друга шепотом Янн. Тъери не остался в долгу:

— Если ты не будешь фальшиво поддакивать «разумеется», как всегда делаешь в разговоре с дуайеном.

— Профессор Мут, bonsoir!*

Янн почтительно пожал руку пожилому седовласому джентльмену.

— Добрый вечер, доктор, — сказал Тъери, тоже пожимая хрупкую руку в пигментных старческих пятнах. — Спасибо вам за приглашение.

— Не за что, не за что, — отмахнулся доктор Мут. — Мои преподаватели так же обходились со мной, когда я был в вашем возрасте. Ну, и у вас была серьезная причина прийти, разве нет?

Он тихо засмеялся собственной шутке. Тъери слабо улыбнулся, зная, что рекомендации на стипендию Дюма дает профессор Мут. Янн же сразу решил, что ему все равно, о чем там думает Мут. Стипендия стала бы хорошим пропуском в программу МБА, поэтому он очень надеялся ее получить и не видел причин это скрывать.

— Ммм... разумеется, — ответил Янн, тоже усмехаясь и заставляя Тъери поднять глаза к потолку, где его взгляд остановился на ярких цветных фресках с мифологическими фигурами. Парящие над головой боги и богини, впечатанные в белую штукатурку, были окружены рамками, отлитыми в виде флоры и фауны — они называются gypseries, Янн точно помнил. Янн любил не только деньги, но и искусство, а еще при первой возможности делиться своими знани-

* Добрый вечер (фр.).

ями, — но он поверх плеча доктора Мута смотрел на длинный деревянный стол, уставленный подносами с едой. Тъери увидел, что предположения друга оправдались: нарезанная квадратиками пицца, круги сыра бри, хлеб и холодные нарезки. Но вино было в бутылках. Янн пробормотал извинение и бочком двинулся к столу, где доктор Леонетти наливала себе вино. Она смотрела на двоих приятелей, и в углах ее большого рта залегала улыбка — эти парни ей нравились, но она не могла взять в толк, зачем им теология. Было у нее чувство, что Янн Фалькерью выбрал это направление, поскольку этот факультет лучше финансировался, а конкурс ниже, чем на историю, — по той простой причине, что студентов меньше. А ему бы, наверное, следовало изучать право или бизнес. У нее был друг, работающий на финансовую компанию в Лондоне, и он говорил, что сейчас они заманивают в мир акций и облигаций выпускников с факультетов истории и теологии. А тот, что пониже, из Марселя, вообще казался ей загадкой. Она его сегодня спросит о планах на будущее, если сможет отвлечь его внимание от потолка.

— Не хотите? — спросила она Янна, поднимая бутылку.

Янн стоял уже совсем рядом с ней, склонив голову почти на девяносто градусов. Она проследила за его взглядом, забеспокоившись, не слишком ли декольтировано ее платье, — и поняла, что неудобная поза вызвана не нескромностью, а желанием прочесть этикетку на бутылке.

— Бандольское красное! — воскликнул он наконец. — Ну, что ж, спасибо! Профессор Мут превзошел сам себя!

Анни Леонетти улыбнулась:

— Его принесла я. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на плохое вино, не правда ли? Зовите сюда вашего соратника, я ему тоже налью.

Но Тъери уже оказался рядом — он увидел у Леонетти в руках бутылку и тут же прошмыгнул между преподавателями и аспирантами. Успел взять чей-то бокал (нет времени искать чистый, когда вино вот-вот кончится), и тут гул разговоров был перекрыт голосом профессора Мута:

— Нет, Бернар! Будет так, как я вам сказал сегодня у меня в кабинете. И мое решение окончательно!

Бернар Родье, мужчина средних лет, которого многие из коллег считали слишком красивым для теолога, резко повернулся и направился к двери. Анни Леонетти не могла взять в толк, что значит — *слишком красивый*? Это что же, преподаватель теологии должен быть безобразным? Конечно, на философском факультете были выдающиеся в этом смысле сотрудники, но юридический факультет это компенсировал несколькими очень приличными, если уж не очевидно красивыми, экземплярами. А где она сама на этой лестнице?

Тъери и Янн тревожно переглянулись, решив, что спор преподавателей шел о стипендии Дюма. Анни улыбнулась и подлила им вина.

— Не волнуйтесь, — сказала она. — К Дюма это не имеет отношения.

Она верно предположила, что Бернар опрометчиво спросил Мута насчет его отставки, объявленной на прошлой неделе на совещании преподавателей. Были названы три имени претендентов

на кресло дуайена — пост, к которому прилагаются щедрое жалование, долгие творческие отпуска и двухсотметровая квартира, имеющая историческую ценность. В ней они сейчас все и находились — она расположена на площади, где стоял самый, по мнению многих эксузцев, красивый фонтан — «Четыре дельфина». И кроме фресок, взирающих на обитателей со стен, в окруженном стеной саду была еще одна редкость, которую горожане иногда слышали летом, но никогда не видели за трехметровой стеной: бассейн.

Такой пост был для Прованса необычным, но факультет теологии всегда умудрялся держаться на расстоянии от остального университета. В конце двадцатых годов прошлого века отец Жюль Дюма, священник и бывший глава факультета, завещал свой семейный особняк и все состояние университету, в то время как две нижние квартиры должны были сдаваться университетом и составлять фонд стипендии его имени. Его же именем были названы здание, в котором находились теперь кабинеты и аудитории, и улица в городе. Два его брата погибли в боях Первой мировой войны. Ирония судьбы состояла в том, что семья Дюма составила состояние, производя двигатели для танков, испытанных в семнадцатом году на раскисших полях Пикардии и Бельгии.

Как Анни Леонетти и надеялась, среди трех конкурсантов ее имя тоже значилось. Хотя она была моложе коллег и пользовалась на факультете репутацией модерниста, полученная в Йельском университете степень и частые публикации считались неоспоримыми. Против нее — даже сильнее некоторого излишнего радикализма — работало

Убийство
на улице Дюма